

Один из жителей деревни в гнев крикнул:

— Вы, полицейские извне, почему всегда соваетесь не в своё дело? Эта убийца убила человека, мы хотим её казнить! Разве вы не знаете, что убийство требует возмездия?

Ло Инбай накрыл женщину одеждой Ся Сяньнина, осмотрел её состояние. Хотя внешние травмы были серьёзными, жизни они не угрожали. Он повернулся и сказал:

— Эта женщина уже стала инвалидом из-за вас. Как она может убить кого-то? Скорее уж вы хотите её убить.

Житель деревни, разозлённый словами Ло Инбая, взорвался:

— Чушь! Кто знает, как эта тварь взбесилась? Услышала, что её отец хочет продать Цуй Ню, и сразу начала бунтовать. Мы думали, она ничего не сможет сделать, но эта тварь убила отца Цуй Ню! Она должна заплатить жизнью!

Его слова подхватили, и толпа разъярилась, все начали кричать и ругаться. Они и так были в ярости из-за того, что полицейские извне забрали женщин, купленных за их деньги, а теперь, с этим происшествием, их обида только усилилась — не столько из-за смерти отца Цуй Ню, сколько из-за того, что их авторитет был «оспарен».

Если бы не прибытие полицейских, следовавших за Ся Сяньнином, эти люди, вероятно, напали бы и на Ло Инбая, и на него самого.

Среди их криков Ло Инбай постепенно понял, что произошло. Женщину, которой отрубили руки и ноги, звали Фэн Шу, а Цуй Ню — это девочка, на которую она неотрывно смотрела, её дочь.

Отец Цуй Ню был заядлым игроком, и в доме накопилось много долгов. Он хотел продать Фэн Шу, но из-за её инвалидности и возраста не смог, и тогда, потеряв рассудок, решил продать свою девятилетнюю дочь Сунь Цаю в жёны.

Сунь Цай, тот самый, кто первым предложил убить Фэн Шу, выглядел как минимум на сорок лет, с жестоким лицом, и настаивал на её смерти.

Ло Инбай не обратил на него внимания, глубоко вздохнул и сказал Ся Сяньнину:

— Это та, кого я искал. Мне нужно забрать её с собой.

Он сделал паузу, затем, сдерживая эмоции, как можно спокойнее сказал этим невежественным деревенским жителям:

— Я понимаю, что убийство требует возмездия. Но в её случае есть свои обстоятельства. Даже если она умрёт, это не должно быть так.

Ся Сяньнин сказал:

— Хорошо.

Сунь Цай махнул рукой, и окружающие тут же окружили их. Он закричал:

— Нет, я обязательно убью эту тварь!

Ся Сяньнин холодно усмехнулся, не тратя слов, зарядил пистолет и приставил его ко лбу Сунь Цая, другой рукой достал наручники, защёлкнул их на его запястьях и толкнул в сторону Гоу Сунцзэ:

— Препятствование исполнению служебных обязанностей. Забирай его с собой.

Гоу Сунцзэ, который уже был недоволен этим старым мерзавцем, обрадовался и тут же сказал:

— Есть!

Сунь Цай, не ожидая, что его тоже заберут, оцепенел. Гоу Сунцзэ приставил к нему пистолет, и с его лба капал пот. Кто-то рядом, видя, что ситуация ухудшается, обратился к Ло Инбаю, который казался более мягким:

— Она всего лишь женщина, которую использовали. Даже если вы заберёте её, никому не будет дела.

Ло Инбай, взвалив женщину на спину, спокойно сказал:

— Мне есть дело.

Сказав это, он вдруг почувствовал, как его шея сзади зачесалась. На мгновение он замер, осознав, что это слеза упала на его кожу.

Ся Сяньнин убрал пистолет, прошёл несколько шагов и вдруг повернулся:

— А где Цуй Нью?

Родители отца Цуй Нью, которые только что рыдали над телом, разозлились:

— Что вы ещё хотите?

Ся Сяньнин сделал паузу, достал толстую пачку денег и сказал:

— Я хочу забрать её и её мать, чтобы они могли увидеть мир.

Хотя это было абсурдно, но отец Цуй Нью умер, мать убила человека, и чтобы забрать девочку, нужно было получить согласие её бабушки и дедушки. К счастью, с деньгами всё решалось легко, и без лишних слов мать и дочь были успешно вывезены из деревни.

Ся Сяньнин взял женщину, которую нёс Ло Инбай, но тот всё равно чувствовал, что что-то не так. Пройдя некоторое расстояние с полицейскими, он вдруг остановился и обернулся. Не то чтобы это было иллюзией, но он вдруг увидел, что за спинами деревенских жителей появилось множество людей, стоящих плотной толпой.

Те, кто был впереди, выражали обиду и шумели, выражая недовольство полицейскими, но те, кто появился сзади, выглядели безжизненно, с тупыми лицами, их глаза неподвижно смотрели на окружающих, как будто это были странные скульптуры.

Ло Инбай резко остановился, и кто-то положил руку на его плечо. Голос Ся Сяньнина раздался у него в ухе:

— Что ты смотришь?

Ло Инбай указал на деревню:

— Сяньнин, посмотри, там, кажется...

Его слова оборвались. Люди, стоявшие за деревенскими жителями, внезапно исчезли.

Ся Сяньнин спросил:

— О чём ты? Эти деревенские?

Ло Инбай ответил:

— Нет, не они...

Он глубоко посмотрел на Ся Сяньнина, затем опустил взгляд:

— Пойдём, наверное, мне показалось.

Ся Сяньнин ничего не сказал, и они, один за другим, сели в машину. Автомобиль тронулся, подняв облако пыли. Один из деревенских жителей яростно плюнул в сторону машины.

Они не знали, что оставшиеся тоже не смогут избежать участи, и что когда придут дополнительные силы полиции, их всех заберут. Сейчас все ещё были сосредоточены на сожалении о потерянном имуществе.

В деревне арестовали множество людей, а женщин, которых держали дома, «насильно забрали». Для тех, кто считал торговлю людьми своей собственностью, это было равносильно грабежу.

Деревенские жители никогда не терпели таких потерь, но из-за давления Ся Сяньнина не осмеливались сопротивляться. Их гнев кипел, и как только полицейские уехали, они собрались вместе, чтобы выплеснуть свою ярость.

Родственники Цуй Нью были заняты подсчётом денег, которые дал Ся Сяньнин, и у них не было времени присоединиться к толпе. Толстая пачка красных купюр заставляла их сердца гореть, как вдруг над их головами появилась большая рука, которая грубо схватила деньги и отобрала большую часть.

Дед Цуй Нью резко поднял голову и увидел, что это тот самый старый холостяк Сунь Цай, который хотел купить его внучку.

Он крикнул:

— Что ты делаешь!

Сунь Цай сказал:

— Старик Лю, не забывай, что твой сын взял у меня деньги, обещая отдать мне твою девочку. Теперь и человека нет, и денег нет. Ты не собираешься присвоить эти деньги себе?

Старик Лю бросился отбирать:

— Людей забрали полицейские, иди к ним! Эти деньги — цена жизни моего сына, верни их, чёрт возьми!

Они начали бороться, и в процессе кто-то случайно разжал руку, и деньги разлетелись в разные стороны.

Окружающие, увидев это, бросились хватать их, запихивая купюры в свои карманы.

Сунь Цай пнул старика Лю, вскочил на ноги и тоже начал хватать деньги. Ему удалось схватить одну купюру, но он заметил, что цвет был странным. Приглядевшись, он побледнел и вскрикнул:

— Это... это же похоронные деньги!

Остальные, увлечённые сбором денег, не обратили внимания на его крик, но, услышав его, начали проверять свои купюры. К их удивлению, на чёрно-белых бумажках было написано: «Банк похоронных денег».

Кто-то разорвал свои купюры и выругался:

— Чёрт, нас надули!

Но Сунь Цай почувствовал холод в сердце. В отличие от других, он держал эти деньги в руках раньше и ясно видел, что это были обычные современные купюры.

Он посмотрел на свою руку, затем резко поднял голову и вдруг заметил, что обрывки похоронных денег падали очень медленно, как будто в замедленной съёмке.

Вокруг раздалась странная песня:

«Кто делает похоронные деньги? Люди не могут их использовать, но они радуют духов. Одна нить связывает их на заброшенной могиле, ветер поднимает грустные облака».

Сопровождаемая барабанным боем, песня добавляла атмосфере жутковатости.

Окружающие запаниковали и начали кричать:

— Кто это?!

— Кто там притворяется призраком, больной, что ли?!

<http://bllate.org/book/15511/1395959>